

© 2012 г. К.В. БАБАЕВ

РЕКОНСТРУКЦИЯ ЛИЧНЫХ МЕСТОИМЕНИЙ В ЯЗЫКАХ ГУР

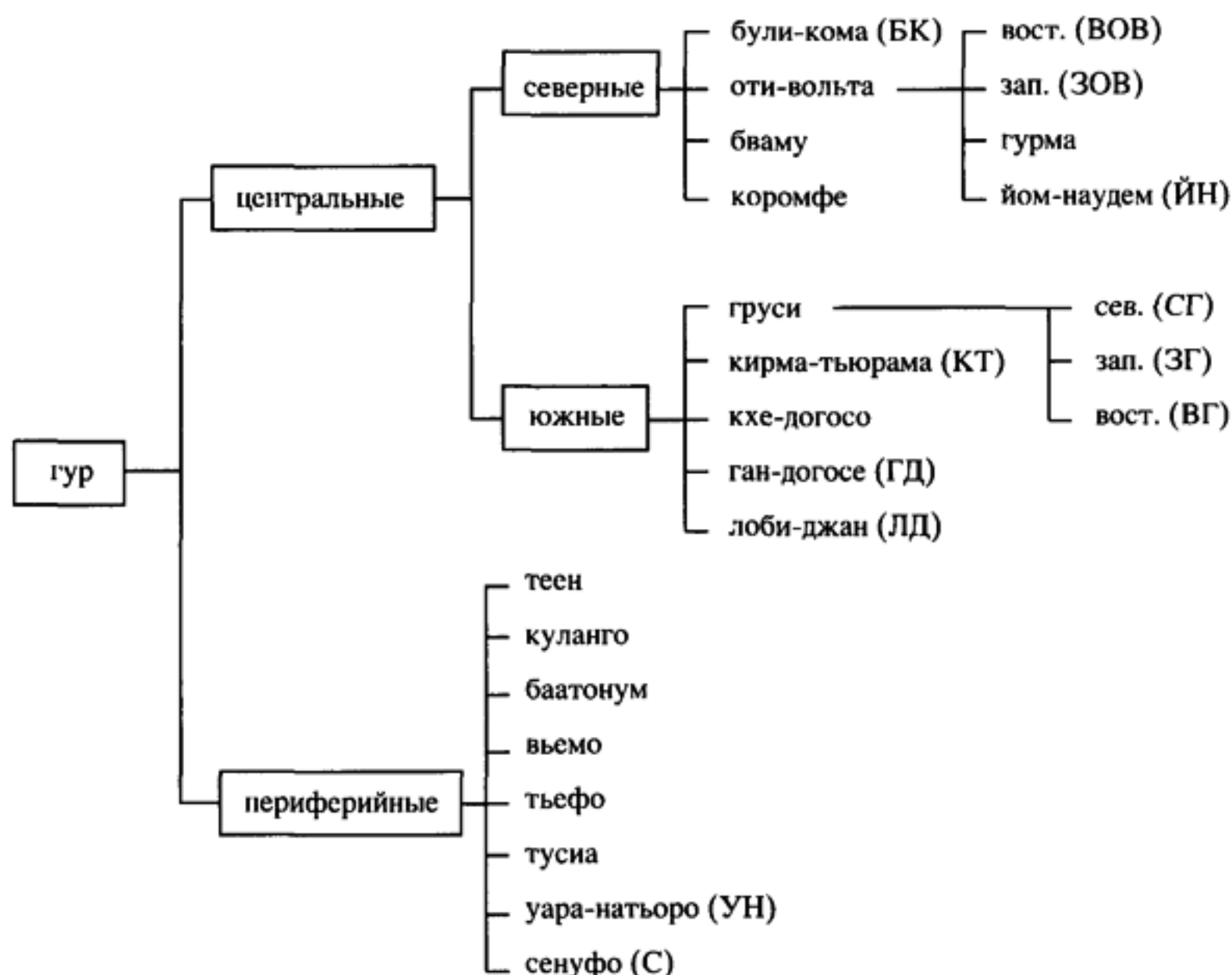
Статья, подготовленная в рамках проекта по реконструкции нигеро-конголезской системы личного маркирования, содержит сравнительный анализ личных показателей в языках западно-африканской семьи гур и предварительную реконструкцию парадигмы личных местоимений праязыка гур. В статье приводятся доводы, позволяющие значительным образом скорректировать принятую внутреннюю генетическую классификацию языков гур.

В состав семьи гур¹ входит около 100 языков (96, согласно данным электронной базы Ethnologue), носители которых проживают в странах Западной Африки: прежде всего Буркина-Фасо, но также в ряде районов соседних стран: на юге Мали и Нигера, в северной части Кот д'Ивуара, Ганы, Того, Бенина, на северо-западе Нигерии. Можно говорить о значительной компактности языкового ареала гур: существующие в этом ареале анклавы языков других семей (прежде всего манде, но также кру и чадских) относительно невелики. Зона распространения языков гур граничит на юге с языками семьи ква, на западе – манде, на севере – догон и атлантическими, на востоке – преимущественно с языками сонгаи. Кроме последних, все перечисленные семьи языков, как и семью гур, объединяют в составе нигеро-конголезской макросемьи языков.

Из-за своего местоположения вдалеке от побережья языки гур сравнительно поздно стали известны лингвистам. Хотя первые сведения о них содержатся еще в «Полиглотте» С. Кёлле [Koelle 1854], говорить о системном изучении языков семьи можно только начиная с середины XX столетия. Тем не менее, благодаря активным усилиям команд полевых исследователей (прежде всего христианских миссионеров, а позже института SIL), на сегодняшний день существуют публикации грамматических очерков и словарей по большинству языков гур. Среди наиболее выдающихся исследователей можно назвать Г. Манесси, А. Проста, У. Вильсона, Дж. Бендор-Самуэля. Российские ученые, насколько нам известно, пока не публиковали работ, посвященных языкам гур.

В основе принятой по сей день внутренней генеалогической классификации языков семьи лежат работы М. Сводеша [Swadesh et al. 1966] и Дж. Бендор-Самуэля [Bendor-Samuel 1971], основанные целиком на лексикостатистическом анализе. Иной подход, с опорой на сравнительно-исторический метод, был использован в работе Г. Манесси [Manessy 1977], однако полученные им результаты классификации лишь незначительно отличаются от дендрограмм предшественников. Классификация Манесси была без существенных изменений воспроизведена в обзорной работе [Naden 1989], а также совсем недавно в [Miehe 2004] (см. Диаграмму 1; в скобках приведены сокращения для названий групп языков).

¹ Название было введено Г.-А. Краузе в конце XIX в. на основе созвучия глоттонимов гурма, гурунси (грусси), гурманчема и других и употребляется в англо- и немецкоязычной литературе. Во франкоязычных работах устоялось название «вольтийские языки» (*voltaïques*, англ. *Voltaic*).

Тем не менее дискуссия о принадлежности к семье гур ряда групп языков не утихает. Языки гур довольно четко делятся на две части: вполне гомогенную по своему лексическому составу центральную ветвь, объединяющую большинство идиомов семьи, и прочие языки, сгруппированные во многом по остаточному принципу терминами «вероятно центральные» (*Central possible*) и «сомнительно центральные» (*Central improbable*). Сюда относятся языки групп тусиа, уара-натъоро, языки тесн, тьефо, вьемо и баатонум, а также большая группа языков сенуфо, которые в последние годы нередко выделяют из состава языков гур в самостоятельную семью [Segerer 2008]². Однако если общее генетическое происхождение языков сенуфо представляется довольно прозрачным, то статус других «сомнительных» идиомов, географически расположенных на крайнем западе ареала языков гур (кроме языка баатонум на востоке), остается совершенно неясным. Ранее некоторые из языков небольших групп также относили к сенуфо [Bendor-Samuel 1971]. Привязка многих из этих идиомов к языкам гур довольно условна и может объясняться недостаточным уровнем их изученности. Так, в числе «сомнительных» языков гур долгое время фигурировал язык семе, который по степени лексикостатистической близости с соседними языками гур вполне сравним с некоторыми из перечисленных выше идиомов. Более тщательное изучение семе неопровержимо доказало, что данный язык принадлежит к семье языков кру [Marchese 1986: 10].

Исследование систем личного маркирования может пролить дополнительный свет на проблему классификации и генетических связей различных групп языков, относимых к семье гур. Сравнительному анализу и реконструкции местоименных систем было

² В настоящей работе языки гур, не относящиеся к центральной ветви, в том числе языки сенуфо, будут совместно для краткости именоваться периферийными, что соответствует их как генетическому, так и географическому положению.

посвящено несколько исследований последних десятилетий, однако практически все они касались отдельных групп языков: это прежде всего работы Г. Манесси по языкам гуси и оти-вольта [Manessy 1969; 1975], работа Э. Надена по западным языкам оти-вольта [Naden 1986], а также недавняя монография К. Самбьени [Sambiéni 2005] по языкам восточной подгруппы оти-вольта. Все три работы, впрочем, лишь мельком касаются реконструкции личных местоимений, часто недостаточно обосновывая приведенные праформы, и ограничиваются субъектными показателями. Ни одна из них, что примечательно, не рассматривает периферийных языков гур.

Важный шаг в направлении реконструкции местоимений праязыка гур сделан в статье Г. Мизэ [Miehe 2004], однако выводы автора не следуют дальше определения круга наиболее распространенных моделей в качестве «кандидатов» в праформы, без дальнейшего анализа и собственно реконструкции праязыковой системы. Таким образом, сравнительно-исторический анализ местоимений в языках гур можно как расширить (включив материал языков, ранее не фигурировавших в сравнительных исследованиях), так и углубить (перейдя от постулирования набора возможных праформ к реконструкции целостной парадигмы).

Задачей нашего исследования является сведение воедино всех ранее достигнутых промежуточных результатов сравнения систем личного маркирования языков гур и проведение на основании максимально широкого грамматического материала реконструкции системы, существовавшей в праязыке семьи. Параллельно будет дана оценка существующей классификации языков гур и выделены группы языков, чья принадлежность к данной семье местоименным материалом не подтверждается.

При сравнительном анализе местоименных систем мы будем руководствоваться традиционным сравнительно-историческим методом. Подчеркнем при этом необходимость рассматривать местоимения не как отдельные лексические единицы, а как составные элементы парадигм, оказывающие взаимное влияние друг на друга. Именно парадигматическое сходство систем личных показателей будет считаться доказательством языкового родства, сходство же отдельных (при этом, как правило, фонологически кратких) местоименных лексем с большой вероятностью может являться результатом как ареального контакта и заимствования, так и случайного совпадения.

Еще одним методологическим приемом, используемым в настоящей работе, будет применение метода ступенчатой реконструкции: на основании сравнения современных языков будут реконструированы «промежуточные» системы личных показателей праязыков ряда групп, которые, в свою очередь, станут материалом для реконструкции системы, предположительно существовавшей в праязыке семьи гур. Этот метод, описанный и успешно примененный при праязыковой реконструкции, в частности, М. Хаас [Haas 1958; 1969], позволяет повысить точность реконструкции форм праязыков с возрастом более 5–7 тысяч лет. Так как в настоящем исследовании мы имеем возможность сравнивать довольно большое количество идиомов (82 из 96 языков семьи), групповые реконструкции будут вполне надежными.

Структурно прилагольные личные показатели в языках гур предшествуют предикату; нередко в форме префикса, что объясняет их сверхкраткую форму (С, V, реже CV). Прилагольные показатели субъекта в ряде языков кумулятивно выражают также некоторые грамматические значения собственно предиката, например аспекта, времени и отрицательной полярности. Прямой объект глагола, выраженный местоимением, располагается справа от него и может быть как клитикой, так и аффиксом (граница между этими двумя состояниями для множества языков остается крайне неопределенной). Притяжательное значение выражается префиксом или местоименной проклитикой слева от имени-обладаемого. Во многих языках объектные и притяжательные показатели идентичны соответствующим показателям субъекта глагола, однако нередко между ними имеются различия – как сегментные, так и супraseгментные, прежде всего тональные. Утверждение Г. Мизэ о том, что «тоны [личных показателей] можно не принимать в расчет» [Miehe 2004: 100], таким образом, в корне неверно.

Особыми формами почти во всех языках семьи являются так называемые «абсолютные», или «независимые», местоимения, обладающие синтаксической автономностью в предложении и несущие грамматические значения фокализации и/или эмфазы, сродни франц. *moi*. Фонологически они имеют более долгую форму, чем субъектные или объектные показатели, так как их структура часто включает суффиксальный элемент дейктического происхождения или же является результатом редупликации.

В качестве собственно личных показателей в языках гур обычно принимаются только формы первых двух лиц. Третье лицо единообразно выражается именными и согласовательными аффиксами классов. Тем не менее игнорировать их при анализе местоимений очень опасно: в целом ряде языков аффиксы личного класса (имеется в виду сингулярно-плюральный пара маркеров, употребляющихся при именах, обозначающих лиц) оказывают непосредственное влияние на местоименные парадигмы, способствуя в том числе их изменению по аналогии. Мы будем учитывать именные аффиксы личного класса там, где это необходимо, и также коснемся вопроса их реконструкции на праязыковом уровне.

Ниже будут по очереди рассмотрены показатели четырех лично-числовых значений, данные по которым приведены в таблицах в Приложении. Материал таблиц сгруппирован согласно классификации, обозначенной на Диаграмме 1. При реконструкции праформ учитываются некоторые особенности вокализма языков гур, прежде всего противопоставление гласных фонем по признаку продвинутости корня языка ($\pm ATR$), создающее пары узких гласных *u/v*, *i/l*. В случае если значение этого признака в праформе неясно, гласная фонема обозначается, соответственно, как **U* или **I*. Согласно традиции, гласная неопределенного ряда и подъема будет обозначаться знаком **V*.

1.1 ЛИЦО ЕДИНСТВЕННОГО ЧИСЛА

Первое лицо единственного числа в большинстве рассматриваемых языков представлено, пожалуй, наиболее широко распространенными в языках нигер-конго моделями личных показателей -- *N* и *mV*.

Первая из них фонологически представляет собой носовую фонему, реализуемую в зависимости от последующей согласной как *n*, *ɲ* или *m*. Гоморганный показатель характерен для тех языков, где личные показатели предшествуют сказуемому в качестве префиксов. В таком виде он может быть реконструирован для субъектного ряда в праязыках групи оти-вольта (**N*), гурма (**N*), кхе-догосо (**N*), подгруппы зап. груси (**N*). Отметим практически повсеместное отсутствие его в периферийных языках: форма *N*-встречается из них лишь в уара, баатонум и караборо. В качестве объектного (т. е. суффиксального) показателя гоморганный носовой показатель более редок и может быть восстановлен лишь для праязыков восточной подгруппы оти-вольта и группы гурма, т. е. там, где объектный и субъектный ряды показателей всюду совпадают. Как самостоятельные местоимения фокализованной серии рефлекс **N*- не встречаются нигде. Именно связанный (префиксальный) характер показателя *N*- в большинстве использующих его языков позволяет предположить вслед за Г. Манесси [Manessy 1969: 23], что он представляет собой редуцированную степень показателя *mV*, также широко распространенного в языках гур, однако уже в виде синтаксически автономного местоимения.

Данное местоимение преимущественно имеет вид *mI* или *ma*; другие огласовки (*me*, *mɛ*, *mv*, *mo*) весьма редки³. Огласовка среднего ряда и подъема *ə* в субъектной серии (например, в языках коромфе, турка и лама) представляет собой промежуточную стадию, ведущую к полной редукции гласной. С уверенностью можно восстанавливать праформу с узкой гласной для праязыков кирма-тьюрама (**mI*, субъект и объект), ган-догосо (**mi*, субъект), этот показатель фигурирует также в других центральных языках

³ Проверить исконный характер носового показателя можно было бы лишь перед начальной гласной последующей корневой морфемы, однако полноточные лексемы в языках гур никогда не имеют вокалического анлаута.

гур: натени, винье, кхе, бвamu, джан – и в ряде периферийных языков, включая некоторые языки сенуфо. Показатель **ta*, с другой стороны, реконструируется для праязыков групп йом-наудем (субъект, объект и поссессив), вост. гуси (**tá*, субъект и, возможно, объект), он также довольно частотен в языках других групп центральной ветви. Сводить к единой праформе показателя со столь различной огласовкой нельзя, однако для праязыка гур вполне возможно постулировать личное местоимение **ml/*ta* с некоторым перебоем в вокализме. Функционируя в качестве субъектного префикса сказуемого, данный показатель редуцируется, обычно теряя вокализацию, но в некоторых языках – губную носовую согласную: отсюда формы бирифтор *ĩ*, бvamu *mi/i*, догосе *mi/i* и другие.

Вокалическое чередование субъектных маркеров, породившее алломорфы **ml/*ta*, может быть объяснено грамматическим противопоставлением этих двух форм в праязыке, которое предполагал еще Г. Манесси [Manessy 1975: 176]. Уже упоминавшееся маркирование глагольных значений с помощью различных рядов личных местоимений не редкость в языках гур. В качестве примера можно привести периферийный язык куланго: субъектные местоимения здесь выражают, помимо лично-числовых, значения аспекта и наклонения: например, *mi* (сосл.), *miĩ* (имперф.), *tá* (хаб.). Все эти формы порождены слиянием первоначального личного местоимения с некоторыми аспект-альными и модальными показателями глагола. Немаркированным же в этом ряду форм представляется местоимение перфектива *mi* – этот вывод можно сделать не только на том основании, что типологически перфектив в языках Западной Африки является наименее маркированным значением глагола [Плунгян 2003], но и с помощью сравнения с единым показателем прямого объекта, который также содержит гласную **i*: *mi*. В некоторых языках вариации вокализма представляют оппозицию субъектного и объектного значений (ср. в були субъект *mi*-, объект *-ti* и др.). Оппозиция схожего характера могла иметь место и в праязыке. Впоследствии отдельные языки обобщили форму с узкой или широкой гласной, что и привело к бинарной вокалической природе, которую мы наблюдаем в современных языках гур. Однако для того, чтобы подтвердить или опровергнуть эту точку зрения, необходимо рассмотреть другие элементы местоименной парадигмы, что будет сделано ниже.

Можно ли отнести к рефлексам той же праязыковой местоименной лексемы **ml/*ta* формы языков ссв. гуси, сводимые к **á*, сказать сложно. Форму **á* можно объяснить вокализацией носового показателя **N*- в субъектной позиции, произошедшей в том числе в целях устранения аналогии с формой 2 л. ед. ч. **N̄*-. В ином случае ее необходимо трактовать как локальную инновацию.

В фокализованной серии мы видим убедительное подтверждение реконструкции единой праформы **ml/*ta*. Формы этого ряда в большинстве языков семьи представляют собой расширение местоимения каким-либо суффиксальным элементом, имеющим, как уже говорилось, дейктическое происхождение. Во многих языках это носовая фонема: восстанавливаются праформы зап. оти-вольта **máN*, вост. оти-вольта **mlŋ*, гурма **min*, йом-наудем **tan*, вост. гуси **tán*, зап. гуси **mlŋ*, сев. гуси **(a)te/*ato* (где **a*- – местоименный корень), ган-догосе **mina*. Сюда же относится, по-видимому, форма лоби *mirí*. Из периферийных языков данная модель бесспорно прослеживается только в куланго (диал. *mian*). Общую для этих промежуточных реконструкций форму праязыка центр. гур следует восстановить в виде **mlŋ/*tan*, с показателем фокуса **-ŋ*, который находим и в современных языках гур, см. в конкомба (группа гурма):

- (1) *ucini-n ni sãji ub*õri*
 гиена-FOC PST быть вождь
 'Вождем была [именно] гиена' [Adouna 2009: 87].

Несмотря на возможность реконструкции, образование фокализованных и эмфатических местоимений в ряде языков следует все же считать относительно недавним явлением. Повсюду аффиксальный элемент в местоимениях соответствует именному маркеру фокуса или эмфазы, в том числе в тех языках, где этот последний является

инновацией: так, в касем видим форму *amv* (фокал.), содержащую именной показатель фокуса *-mv*, ср.:

- (2) *diin-mv* *a* *tuə*
вчера-FOC 1SG приходить
'Я пришел вчера' [Niggli, Niggli 2008: 29].

Таким образом, праязыковую конструкцию следует рассматривать как **ml-η/*ma-η*, где показатель фокуса воспринимался скорее клитическим, но не связанным элементом застывшей формы.

Другой стратегией образования фокализованных и эмфатических местоимений является редупликация: примеры ее видим в натени *mmī* (видимо, с добавлением **-η*, ср. с неназализованной формой субъекта *mī*), нотре *mta* (при объектном местоимении *ta*), нчам *tata* (субъект *táá*), конкомба *mtε* и некоторых других центральных языках гур.

Приведенный анализ, как можно заметить, практически обходит стороной периферийные языки семьи, формы которых кажутся не только несводимыми к общим праязыковым формам, но и редко соотносятся с реконструкциями, предлагаемыми для языков центральной ветви. С уверенностью можно говорить лишь об общей для обеих ветвей реконструкции местоимения **ml*, которое находим во многих периферийных языках: куланго *mi*, вьемо *mi*, чебаара *mi*, джимини *mi* и пр. Однако для периферийных языков характерен и ряд других форм: прежде всего форма местоимения *ne/na*, в ряде языков редуцированная до *n-* в субъектной позиции. Мы видим это местоимение в баатонум, тьефо, уара, мамара, а в объектной серии – также во вьемо и большинстве языков сенуфо (в том числе сосуществующим с алломорфами *la*, *ta*, *ra*). В отличие от периферийных, центральные языки совсем не используют данную форму в субъектной серии, но в объектной она обнаруживается в подгруппе сев. гуси (**né*), некоторых языках гурма, зап. гуси и зап. оти-вольта. Для реконструкции морфемы на уровне праязыка гур оснований недостаточно. Для языков сенуфо объектный показатель **na* вполне надежно реконструируется; возможно, появление его в других языках гур объясняется языковыми контактами: большинство таких языков расположены в западной части ареала.

Прежде чем подытожить сравнительный анализ форм личных показателей 1 л. ед. ч., следует сказать несколько слов о возможности реконструкции их праязыкового тона. Низкотоновые формы показателей субъекта восстанавливаются для праязыков були-кома (**N̄*), сев. гуси (**à*), вост. гуси (**mà*), кирма-тьюрама (**mī*); среди центральных языков низкий тон демонстрируют также мооре, нотре, наудем, бвamu, чакали, лег, пвие, кхе, лоби и другие, а среди периферийных – куланго. Высокотоновый рисунок обнаруживается лишь в нескольких языках: мампрули *N̄*, нчам *m̄* (наряду с *m̄*, их распределение неясно), акаселем *N̄*. Это дает больше оснований реконструировать именно низкотоновый характер праязыкового субъектного показателя. В большинстве языков ему соответствует и низкотоновый притяжательный префикс.

Иная картина складывается при анализе объектных и фокализованных показателей. Оппозиция «низкий тон показателя субъекта – высокий тон показателя объекта и/или фокализованного местоимения» может быть реконструирована для праязыков сразу нескольких групп: були-кома субъект **N̄* – фокал. *mī*, *mán*; зап. оти-вольта субъект **N̄* – объект *má*, фокал. *má(η)*; вост. гуси субъект **mà* – фокал. **máη*; сев. гуси субъект **à* – объект **né*. В языках йом-наудем низкому тону субъектных маркеров соответствует средний (в йом) или высокий (в наудем) тон объектных и фокализованных показателей. Тональную оппозицию с более высоким регистром несубъектных местоимений логично, таким образом, восстанавливать для праязыка центральной ветви семьи гур. Вновь приходится отмечать, что периферийные языки этому правилу в основном не соответствуют (кроме, видимо, языков баатонум и южн. тусиа).

В Таблице 1 приведены реконструкции показателей 1 л. ед. ч. в промежуточных праязыках и праязыке гур. Сомнения обозначены знаками вопроса.

Таблица 1

	субъектн. / притяж.	объектн.	фокал. / эмфат.
були-кома	* <i>Ṅ</i>		
вост. оти-вольта	* <i>N</i>	* <i>N</i>	?* <i>mIn</i>
зап. оти-вольта	* <i>N</i>	* <i>má(m)</i>	* <i>má(N)</i>
гурма	* <i>N</i>	* <i>N</i>	* <i>min</i>
йом-наудем	* <i>mà</i>	* <i>ma</i>	* <i>man</i>
сев. гуси	* <i>à</i>	* <i>né</i>	* <i>ame</i> /* <i>amo</i>
зап. гуси	* <i>Ṅ</i>		* <i>mIn</i> /* <i>mɛn</i>
вост. гуси	* <i>mà</i>	* <i>mV</i>	* <i>mán</i>
кирма-тьюрама	* <i>mĭ</i>	* <i>ml</i>	
ган-догосе	* <i>mi</i>	* <i>ml</i>	* <i>minV</i>
лоби-джан	* <i>ml</i>	* <i>ml</i>	* <i>mlni</i>
сенуфо	?* <i>me</i> /* <i>mi</i>	?* <i>na</i>	
гур	* <i>Ṅ</i> , * <i>mĭ</i> /* <i>mà</i>	*- <i>mĭ</i> /*- <i>má</i>	* <i>mĭ-n(V)</i> /* <i>má-n(V)</i>

Выводы, которые можно сделать исходя из такой двухступенчатой реконструкции, вкратце таковы.

- 1) Базовым праязыковым личным местоимением 1 л. ед. ч. была форма **Ṅ*/**mĭ*/**mà* с вокалическим чередованием, которое может объясняться как грамматическое. Исходя из данных периферийных языков гур, включая сенуфо, немаркированной ступенью скорее можно считать форму **ml*, имеющую к тому же широкие внешние соответствия в других языках нигеро-конголезской макросемьи, от банту [Babaev 2008] до догон [Prokhorov 2010]. Субъектная форма при сказуемом несла низкий тон. Нулевая ступень **Ṅ*- выступала в качестве личного глагольного или притяжательного префикса перед согласными, огласованные алломорфы выступали в качестве показателей прямого объекта и по аналогии могли также распространяться на другие позиции.
- 2) Местоимение в абсолютной позиции несло значение фокуса, топика или эмфазы; уже в праязыке оно могло осложняться усилительной клитикой **nV* > *-*ŋ* и характеризовалось повышением тона. При развитии в отдельных языках гур других дискурсивных частиц с указанными значениями эти последние могли заменять **nV* и в местоименной системе.
- 3) Учитывая глубокий возраст семьи гур, сохранность рефлексов праязыкового местоимения можно считать очень хорошей. Основной инновацией в рамках подгрупп центральной ветви является форма **à* (субъект) в сев. гуси, где исконное местоимение не сохранилось нигде, кроме языков каламсе и пана (в несубъектных формах).
- 4) Формы периферийных языков в целом слабо соответствуют реконструируемой нами системе: не прослеживается тонального противопоставления между низким тоном субъектных и высоким тоном несубъектных показателей, не обнаруживаются фокализованных форм на *-*ŋ* (кроме диалектных форм куланго *ten*, *tian* и, возможно, лоби *miri* < **mini*?), полностью отсутствует показатель нулевой ступени **Ṅ*- (префикс *Ṅ*- в языке уара восходит к *ni*). В языках сенуфо, уара-натъоро, баатонум, тьефо видим субъектные местоимения типа *nV* (*ni*, *na*, *ne*, *ne*), отсутствующие в других языках гур; любопытно, что форма сев. гуси **né* (объект) также может быть отнесена к этому кластеру. Фактически единственным, что объединяет центр и периферию гур, является форма **mi*. Однако, как указано выше, это местоимение распространено по всей макросемье нигер-конго, так что данное сходство может принадлежать

хронологически более раннему периоду, чем праязык гур. Исходя из этого периферийные языки гур не укладываются в картину реконструкции показателей 1 л. ед. ч. Некоторые языки сенуфо демонстрируют варьирование *nV/mi* в диалектах (нафаанра, мамара), что наводит на мысль об ареальном распространении одной из лексем на данные языки.

2.2 ЛИЦО ЕДИНСТВЕННОГО ЧИСЛА

Формы 2 л. ед. ч. в языках гур демонстрируют значительно большее разнообразие: в частности, Г. Миэ [Miehe 2004: 102] выделяет шесть распространенных моделей, многие из которых осложнены вариациями. Так как анализ Миэ выполнен вполне корректно, приведем ее модели в качестве основы дальнейшего анализа:

- *fV* (*fu, fi, fe*) / *bV* / (*ve, bE, pO*);
- *hV* (*ho, hi*);
- *mV* (*mu, mi, ma, n, N*);
- (*w*)*o* / (*w*)*u*;
- *i* / *e*;
- *a*.

Мы полагаем, что можно уйти от этого многообразия, сведя некоторые из указанных моделей к единым праформам.

Наиболее перспективной в этом смысле выглядит праформа с алломорфами **fi/*fv* (с более редким вариантом **fa*). Местоимение **fi* реконструируется для праязыков бу-ли-кома (субъектная, посессивная и фокализованная серии, в объектной серии **fv*), лоби-джан (субъект и объект **fi*, фокал. **fi-ni*). Ее алломорф с гласной заднего ряда, восходящей к **v*, уверенно восстанавливается для праязыка оти-вольта, несмотря на то что в восточной подгруппе он сохраняется только в фокализованной функции (в виде **fon/*fen*). Фокализованное местоимение **fin/*fun* есть основания реконструировать и для праязыка гурма, а форма *fo* в бвamu завершает вполне стройную картину рефлексов, достаточную для реконструкции праформы гур с двумя вариантами вокализма **fi/*fv*, праязыковос чередование между которыми остается неясным. То, что мы имеем дело с более открытыми или напряженными праязыковыми гласными, чем **i* и **u*, хорошо отслеживается по варьированию их рефлексов, соответственно, между *i / i / e* и *u / v / o / ə* [Manessy 1975: 63–64]. Вариант **fa* может быть предположен по совокупности форм дитаммари, моба, а также по многочисленным субъектным маркерам формы *a*, которые будут подробнее разобраны ниже.

Список рефлексов указанной праформы должен быть пополнен с учетом мутации начального **f-* в целом ряде языков гур [Manessy 1975: 33–34, Tab. III]. К рефлексам праформы **fi/*fv* можно отнести личное местоимение в группе йом-наудем **be* (субъект и посессив), **binV* (фокал.). В некоторых языках зап. оти-вольта, в языках кхе-догосо и зап. груси происходит ослабление щелевой артикуляции начального **f > h, ʔ* вплоть до последующего исчезновения согласного. Среди языков зап. груси придыхание или ларингальный приступ сохраняются в субъектной серии только в языке дег, но среди фокализованных местоимений – почти во всех языках подгруппы, что позволяет реконструировать фокализованное местоимение зап. груси **hIn*.

Регулярность соответствий между *f – b – h/ʔ* в указанных языках можно проиллюстрировать следующими лексическими примерами:

- йом *bīl* ‘грудь’ – дег *ʔilī*;
- мооре *fuage* ‘красть’ – дег *ʔowē* – наудем *bāw*;
- лоби *fāā* ‘не’ – наудем *bē*;
- мооре *fugu* ‘кожа’ – наудем *bāŋ*;
- дег *hēgē* ‘песок’ – наудем *bēʔē*, йом *bī*.

О регулярности соответствия между начальным *f-* и нулем согласного в субъектных местоимениях *i/i* в зап. груси, гурма, зап. оти-вольта и кхе-догосо говорить не прихо-

дится просто потому, что в языках гур вокалический анлаут существует только в очень немногочисленных служебных лексемах. Известно, однако, что начальная *f*- отсутствует в целом ряде языков указанных групп, включая бирифор, сафалиба, конкомба и др. [Manessy 1975: Tab. III].

Весьма любопытно, что разброс форм местоимений *fV*, *bV* и *V* часто присутствует в парадигме одного и того же языка. Так, в гурманчема, моба, тайяри, тамари и уама субъектный показатель 2 л. ед. ч. представляет собой одиночную гласную, в то время как фокализованное местоимение восходит к **fI/*fU*. В йом видим субъектную форму *bə* и объектный аффикс *-v*. Этот факт, замеченный Г. Манесси [Manessy 1975: 176], так и не был им объяснен; наиболее разумным толкованием является естественная редукция морфемы в результате ее перехода из автономного синтаксического статуса в связанный: то же явление описано выше для форм 1 л. ед. ч. Там, где субъектный маркер представляет собой глагольный префикс, его форма сократилась до *V*- или *C*-; то же, видимо, произошло с суффиксальным объектным показателем в йом: **-fu > -v*, в то время как в субъектной позиции **fu > bə* с регулярным переходом начальной щелевой в смычную.

В этой связи особо нужно сказать о формах типа *a* в ряде языков гур. Их исключительное ограничение субъектной позицией дополняется наличием в фокализованной (т.е. синтаксически автономной) серии местоимений, образованных от других лексем. Это, скорее всего, говорит о том, что *a* является редуцированным вариантом этих последних. Сравним, в частности, формы субъектного и фокализованного личных показателей в таких языках:

дитаммари *a* (субъект) – *fɔ̃, fɔ̄, fa* (фокал.) < **fv*;
натени *a* (субъект) – *fɔ̃, fɔ̄* (фокал.) < **fv*;
дагбани *a* (субъект) – *ɲini* (фокал.) < **ɲi-ni*;
гурманчема *à* (субъект) – *fin(i)* (фокал.) < **fi-ni*;
моба *a* (субъект, диал. *fa*) – *fun, fin* (фокал.) < **fi-ni/*fv-ni*;
баатонум *ā* (субъект) – *wúnē* (фокал.) < ? **fv-nV*;
вьемо *a* (субъект) – *wa, waa* (фокал.) < ? **fa*.

Таким образом, хотя по происхождению формы *a* могут быть различными, все они, скорее всего, являются редуцированными в субъектной позиции местоимениями, генетически связанными с реконструированными нами лексемами.

Наконец, к **fv* могут восходить формы ряда периферийных языков гур: теен *v*, куланго *v / wv / wo* (ср. негативную частицу в лоби *fāā*, теен *wa*, куланго *a*). Формы *wi* засвидетельствованы также в периферийных баатонум и вьемо. Здесь, однако, для доказательства родства необходимо иметь больше материала.

Если **fi/*fv* уместно восстанавливать как варианты праязыкового субъектно-объектного местоимения, то для фокализованно-эмфатической серии мы можем реконструировать формы **fv-n* (вост. оти-вольта), **fi-nV/*fv-nV* (зап. оти-вольта и гурма), **bi-n(V)* (йом-наудем), **hi-ŋ* (зап. груси) и, возможно, **fi-ni* (лоби-джан). Добавим сюда формы конни *finiŋ* и кхе (посессив) *hiné*. Фокализованное местоимение *wúnē* в баатонум также может быть отнесено к этому пучку рефлексов, приводящих нас к праязыковому **finV/*fv-nV* с тем же носовым маркером фокуса или эмфазы, который мы восстанавливали в предыдущем разделе.

Таким образом, рефлексы субъектно-объектного местоимения **fi/*fv* и/или фокализованного местоимения **fi-nV/*fv-nV* реконструируются для праязыков всех групп центральной ветви гур, кроме вост. и сев. груси, кирма-тьюрама и ган-догосе. Среди периферийных языков видимые рефлексы этих праформ отсутствуют в языках групп тусиа, ура-натъоро и сенуфо, а также в языке тьефо.

Среди других моделей из приведенного выше списка Г. Миэ необходимо упомянуть формы *ā* (субъект, вост. оти-вольта, гурма, тусиа, а также языки баатонум и вьемо), *N* (субъект, вост. и сев. груси, кирма-тьюрама, а также язык коромфе) и *ta/tv* (ган-догосе, ура-натъоро, тьефо, сенуфо, а в объектной позиции – также в сев. груси). Последние две праформы вполне сводимы к одной, по крайней мере в языках сев. груси:

* $\dot{N}$ - в префиксальной субъектной позиции вполне может являться результатом редукции * mv (сохраняющейся в объектной и независимой сериях) так же, как в 1 л. ед. ч. та же форма является редукцией * $m\dot{l}$ /* $m\dot{a}$. Таким образом, перед нами, по-видимому, единая изоглосса * mv для языков сев. груси, ган-догосе, тьефо и сенуфо. Ее образованию, возможно, послужила аналогия с формами * mV 1 л. ед. ч.; во всяком случае, внешних генетических связей для формы 2 л. ед. ч. * mv в языках других семей нигер-конго мы не видим.

Следует, однако, заметить, что субъектная форма * $\dot{N}$ в восточных языках груси и языках кирма-тьюрама к праформе * mv отношения не имеет: в этих языках мы видим объектные формы, восходящие к праформе * ni /* na , и фокализованные местоимения из * na - η . Редукция этих местоимений также привела к появлению * $\dot{N}$ в субъектной позиции. Показатели на * l - (не упомянутые в списке Г. Миэ) приходится постулировать как особую инновацию в рамках двух подгрупп (а также кластера из нескольких языков зап. оти-вольта и языка коромфе).

Что касается тональной структуры местоимений 2 л. ед. ч. в праязыке гур, материала современных языков пока недостаточно для однозначной ее реконструкции. Языки груси и кирма-тьюрама являются единственными группами, позволяющими определить низкий тон праязыковых субъектных показателей и высокий тон фокализованных местоимений – т.е. картину, идентичную 1 л. ед. ч. Однако в других группах ситуация значительно более сложная – как из-за недостатка информации о тоновых характеристиках форм, так и из-за противоречия источников и наличия грамматически обусловленных тоновых чередований местоимений в глагольной клаузе.

Таблица 2 суммирует реконструкции личных показателей 2 л. ед. ч. в праязыках различных групп и подгрупп семьи гур, а также в праязыке гур.

Таблица 2

	субъектн. / притяж.	объектн.	фокал. / эмфат.
були-кома	* fi	* fv	* $fi(-ni)$
вост. оти-вольта	* $\bar{a}$	* $\bar{a}$	* fon /* $f\bar{o}n$
зап. оти-вольта	* fv /* fi	* fv	* $fun(V)$ /* $fin(V)$
гурма	* fa		* $fin(V)$ /* fun
йом-наудем	* be		* $bin\dot{V}$
сев. груси	* $\dot{N}$	* mv	* Nmv
зап. груси	* hi	* hi	* $hi\eta$
вост. груси	* $\dot{N}$	* na /* ni	* $na(\eta)$
кирма-тьюрама	* $\dot{N}$		
ган-догосе	* mv	* mv	* $mvna$
лоби-джан	* fi	* fi	* $fini$
сенуфо	* ma /* mi	* ma /* mi	
гур	* fi /* fv /* fa		* $fi-nV$ /* $fv-nV$

Таким образом, список из шести предполагаемых праформ Г. Миэ удастся свести к двум морфемам, добавив к ним одну новую:

- * fi /* fv /* fa > fV , bV , wU , ve , hi , I , e , U , a
- * mv /* ma > mU , ma , N
- * ni /* na > ni , na , N , a

Мы полагаем, что лишь первая из них может быть надежно восстановлена на уровне праязыка гур, в то время как две другие реконструируются на уровне не выше, чем праязыки отдельных ветвей. Местоимение **fV* реконструируется по данным всех крупнейших групп центральной ветви гур и периферийных языков теен, куланго, вьемо и баатонум. Остальные периферийные языки этой реконструкции не поддерживают. Данное местоимение имеет широкие параллели в нигеро-конголезских языках Западной Африки, включая атлантические [Pozdniakov, Segerer 2004], ква [Бабаев 2010] и бенуэ-конго [Babaev 2010], его возможные соответствия обнаруживаются в манде (**dī*) и банту (**we/*wo*).

Формы языков сенуфо, тьефо, уара-натъоро имеют общее происхождение от местоимения **ma/*mv*, к ним же относятся две группы центральных языков – зап. гуси и ган-догосе. В указанных языках согласная фонема формы **mv* может объясняться аналогией с формой 1 л. ед. ч. **mi*. В частности, как отметил К.И. Поздняков (личное сообщение), в языках ган-догосе прослеживается следующая закономерность фонетической структуры субъектных личных местоимений:

Таблица 3

	ед. ч.	мн. ч.
1 л.	<i>*mi</i>	<i>*a</i>
2 л.	<i>*mv</i>	<i>*ī</i>

Видно, что в единственном числе присутствует схема *mV*, в то время как во множественном – схема *V*. Подобная схема могла быть причиной выравнивания по аналогии форм обоих чисел.

То же обоснование может иметь форма **mV* в языках сенуфо: ср. формы 1 л. ед. ч. **mi/*me*. Здесь фонетическим маркером сингуляриса также является носовой сонант (в то время как маркером плюралиса – ртовый, ср. ниже реконструкции форм 1 л. мн. ч. **wo* и 2 л. мн. ч. **ue* при чрезвычайно распространенной палатализации *w > u* перед передними гласными не только в нигер-конго, но и в других языках субсахарской Африки [Щеглов 1970: 4]).

Группы кирма-тьюрама и вост. гуси объединяются общей изоглоссой **li/*la/*N-*, происхождение которой может быть как инновационным, так и древним: ср. субъектное местоимение **li-* в банту, формы **N-* в языках бенуэ-конго, кру [Werle, Gbalehi 1976] и манде [Бабаев, в печати]. Как интерпретировать эти внешние параллели, пока неясно.

Две указанные изоглоссы **ma/*mv* и **li/*la/*N-* являются важным материалом для внутренней классификации языков гур, к вопросу которой мы вернемся ниже.

3.1 ЛИЦО МНОЖЕСТВЕННОГО ЧИСЛА

Формы 1 лица обоих чисел всегда остаются в языке более стабильными, чем их соседи во 2 и тем более в 3 лице; этот хорошо известный типологический феномен «иерархии Силверстейна» может быть проиллюстрирован и на примере языков гур. В 1 л. мн. ч. практически все группы семьи гур демонстрируют показатель, образованный по модели *tl/dl*. Местоимение с глухой зубной смычной может быть уверенно восстановлено для праязыков групп були-кома (субъект **tī*, объект **tI*), оти-вольта (субъект **tI*, объект **ti*), гурма (субъект и объект **tI*), йом-наудем (субъект **tē*, объект **té*). В вост. гуси (субъект **dī*) и сев. гуси (субъект **dī*, объект **diba*) наблюдается явление соноризации (или ретрофлексивизации) старой начальной **t-*: этот процесс, происходящий регулярно в вост. гуси после гласной [Manessy 1969: 23], был, видимо, распространен и на начальную согласную личных показателей. В языках лоби-джан начальная согласная может объясняться спирантизацией **t- > *s-* перед передними гласными (ср. лоби *syē* ‘красный’ vs. ваама *tēērī*). К сожалению

нию, на имеющемся материале мы не можем показать регулярности соответствия между *y-* в кирма-тьюрама и *t-* в других языках гур, однако типологически развитие **t-/*q -> y-* в языках Западной Африки довольно частотно, а вокализм формы **yi* позволяет по крайней мере предположить такую возможность. Выпадение начальной **q-* произошло в языках пана и каламсе (сев. гуси), а также, вероятно, в кхе.

Другие варианты вокализма, распространенные в остальных лично-числовых значениях, присутствуют и здесь, преимущественно маркируя несубъектные формы, обычно при сохранении *-i-* в серии субъекта: були *tà-mā* (фокал.), фарефаре *tō-ma* (фокал.), нотре *to* (объект), *tò-ntó* (фокал.). В ряде подгрупп чередование гласных возводится к прауровню: вост. гуси **dī* (субъект) – **dū* (объект) – **dā(η)* (фокал.). Исходя из распределения вариантов вокализации по сериям в различных языках гур можно сделать предположение, что ситуация, близкая к праязыку вост. гуси, существовала и в праязыке всей семьи. Среди наращений, формирующих фокализованные местоимения, наиболее распространенными, как и в других лицах и числах, являются **-η*, **-ma/*-ml*, **-nl/*-nlma*, однако единой праформы не просматривается. В ряде языков формы данной серии образованы с помощью редупликации (мооре *tondo*, ваама *tinti* и др.).

На основании приведенных соответствий можно вполне уверенно реконструировать формы **tl/*t/*ta* для праязыка гур. Однако мы вновь сталкиваемся с отсутствием рефлексов праязыковой морфемы в большинстве периферийных языков: сенуфо, тусиа, тьсфо, куланго, теен. На уровне праязыка сенуфо надежно восстанавливается субъектно-объектное местоимение **wv* (рефлексы *wu/wo/o*), соответствий которому в других группах мы не находим. Несмотря на то что эта форма разительно сходна с формами личных классных префиксов, исполняющих роль местоимений 3 л. ед. ч., – аналогия обнаруживается в супьире, чебаара, мамара, – типологически общее происхождение двух этих форм довольно нетипично для региона, так что постулировать общее происхождение сенуфо **wv* (1 л. мн. ч.) и **wu/*wi* (3 л. ед. ч.) нет оснований.

Сложным является вопрос о генетической связи показателя **tl/*tv/*ta* и местоимений *a/ya/?a* в языках зап. гуси и, возможно, юж. тусиа. Такого соответствия начальных согласных в лексических источниках не обнаруживается (а соответствие с нулем согласного, как уже говорилось, в принципе возможно только в служебных морфемах). Тем не менее, исходя прежде всего из типологии языков региона, следует предполагать в соответствиях *y/?-ø-* реликт некоторой праязыковой согласной. В языках же ган-догосе форма **a* может объясняться вокалической структурой форм схемы V, созданной в результате выравнивания, о котором см. выше в Таблице 3 и замечаниях к ней.

Форма фокализованного местоимения в баатонум *bèsé* не имеет аналогов в гур, однако находит чрезвычайно близкие соответствия в языках бенуэ-конго, с ареалом которых соприкасаются носители баатонум – крайне восточного языка семьи гур. В бенуэ-конго формы плюральных личных маркеров на *bV-* происходят из плюрального префикса именного класса лиц **ba-*. Аналогичное происхождение можно предположить по крайней мере для теен и баатонум – здесь **bV-* также обнаруживается во всех местоимениях множественного числа. Можно отметить и ряд новообразований, характерных лишь для одного языка: так, местоимение тьсфо *?euio* перекликается с существительным *?euio* ‘люди’ [Miehe 2004: 105].

Таким образом, можно отметить, что показатели 1 л. мн. ч. в гур демонстрируют относительную гомогенность. Реконструкции приведены в Таблице 4.

К сожалению, супрасегментного материала недостаточно для восстановления их праязыковой тонологии. Тем не менее некоторые признаки общего тяготения субъектных форм к низкому тону, а фокализованных – наоборот, к высокому, видны и здесь.

Реконструкция местоимения 1 л. мн. ч. **tl/*tv* вполне надежно подтверждается данными внешнего сравнения, ср. банту **tù-* [Nurse 2007: 377], бенуэ-конго **ti/*tu* [Babaev 2010], а также местоимения ряда языков ква: аделе *tí, te, eté*, логба *-tu, atu*, мбато *do/lo* и адьюкру (инкл.) *s-/se* [Бабаев 2010]. Местоимение **tl/*tU*, таким образом, может восходить как минимум к уровню праязыка вольта-конго (т.е. нигер-конго после отделения атлантических, манде, иджо и догонских языков).

	субъектн. / притяж.	объектн.	фокал. / эмфат.
були-кома	* <i>ti</i>	* <i>ti</i>	
вост. оти-вольта	* <i>tī</i>	* <i>tī</i>	* <i>tīnti</i>
зап. оти-вольта	* <i>ti</i> /* <i>to</i>	* <i>ti</i> /* <i>to</i>	
гурма	* <i>ti</i>	* <i>ti</i>	* <i>tiN-bV</i>
йом-наудем	* <i>tè</i>	* <i>té</i>	* <i>teni</i>
сев. груси	* <i>ɖi</i>	* <i>ɖiba</i>	
зап. груси	* <i>ya</i>	* <i>ya</i>	* <i>yama</i>
вост. груси	* <i>ɖi</i>	* <i>ɖv</i> /* <i>ɖa</i>	* <i>ɖá(N)</i>
кирма-тьюрама	* <i>yi</i>		* <i>mi(N)</i>
ган-догосе	* <i>a</i>	* <i>?a</i>	* <i>abε</i>
лоби-джан	* <i>sI</i>	* <i>sI</i>	* <i>sini</i>
сенуфо	* <i>wv</i>	* <i>wv</i>	
гур	* <i>tI</i> /* <i>tv</i> /* <i>ta</i>	* <i>tI</i> /* <i>tv</i> /* <i>ta</i>	

4.2 ЛИЦО МНОЖЕСТВЕННОГО ЧИСЛА

При анализе личных показателей 2 л. мн. ч. приходится принимать во внимание довольно большой разброс данных, вызванный новообразованиями, изменениями форм по аналогии и другими процессами, всегда сильнее деформирующими плюральные, нежели сингулярные формы.

Тем не менее бесспорным статистическим лидером среди языков семьи является форма *ni/ni* и ее возможный алломорф *na/na* с тем же типом вокалического чередования, что и тот, который мы наблюдали в других лично-числовых значениях. Есть основания реконструировать ее для субъектной серии праязыков були-кома (**nI*), вост. оти-вольта (**nī*), зап. оти-вольта (**ni*/**na*), гурма (**nI*), йом-наудем (**ni*), кирма-тьюрама (**ni*/**ná*), лобиджан (**ni*).

Широко распространенный в языках мира и уже неоднократно наблюдавшийся нами процесс редукции форм субъектных показателей типа CV > V хорошо виден и здесь: процесс *ni* > *yi/ʔi* > *i/ʔ* отчетливо проявляется даже в языках одной подгруппы (например, в зап. оти-вольта: дагара *ni*, дагбани *yi*, нотре *i*), а подчас и в диалектах одного языка (ср. биали *yi*, *i* или куланго *nyāā*, *neā*). Исходя из этого назализованные формы в языках ган-догосе, восходящие к **ī* (объект **?i*), а также формы диалектов куланго из **?ī* и местоимение кхе *iN* можно отнести к той же праформе. Менее очевидно происхождение схожих местоимений в теен (*i*) и баатонум (*i/i*) и субъектных местоимений в вост. груси из **ī*. Похожая форма субъектного показателя, по-видимому, существовала и в праязыке зап. груси (ср. дег *hi* и вагла *i*), причем преаспирация в дег предполагает праязыковую начальную согласную; однако в целях устранения аналогии с формой 2 л. ед. ч. **fī* > *I* субъектное местоимение было в большинстве языков вытеснено объектной формой **ta*.

О происхождении формы **ye*, общей для языков сенуфо, с уверенностью судить нельзя, однако нестандартный вокализм (отсутствие чередования *e/i* не позволяет реконструировать фонему **i*, как в других ветвях гур) не предполагает ее непосред-

ственной связи с **nl*. Ее, однако, логично связать с местоимением **ye* в языках тусиа, с которыми группа сенуфо имеет соответствия и в других местоимениях. В качестве фокализованного местоимения в сенуфо восстанавливается форма **yele* с суффиксом, обнаруживаемым и в формах 1 и 3 л. мн. ч.

В числе локальных инноваций местоимений 2 л. мн. ч. можно назвать объектное местоимение *та* в языках зап. гуси, а также форму **á*, реконструируемую для праязыка сев. гуси. Эта форма, впрочем, может происходить из **ла*: несмычные начальные согласные в местоимениях вида CV данной подгруппы везде отпадают, редуцируя форму личных местоимений до вида V.

Реконструкции праформ местоимений 2 л. мн. ч. различных ветвей семьи гур представлены в Таблице 5.

Таблица 5

	субъектн. / притяж.	объектн.	фокал. / эмфат.
були-кома	<i>*nl̥</i>	<i>*nl</i>	
вост. оти-вольта	<i>*ni</i>		<i>*niŋni</i>
зап. оти-вольта	<i>*ɲi</i>		<i>*ɲinima</i>
гурма	<i>*nl</i>	<i>*nl</i>	<i>*nlɲbi</i>
йом-наудем	<i>*nl</i>		
сев. гуси	<i>*á</i>	<i>*ába</i>	
зап. гуси	<i>*hi</i>	<i>*ma</i>	<i>*mata</i>
вост. гуси	<i>*j̥</i>		
кирма-тьюрама	<i>*ɲi/*na</i>		<i>*nVNmá</i>
ган-догосе	<i>*ĩ</i>		<i>*ĩNbɛ</i>
лоби-джан	<i>*ɲi</i>	<i>*ɲi</i>	
куланго	<i>*ɲi</i>		<i>*la</i>
тусиа	<i>*ye</i>	<i>*ye(m)</i>	
сенуфо	<i>*ye</i>	<i>*ye</i>	<i>*yele</i>
гур	<i>*nl/*ɲl/*na/*la</i>		

Определить исходную артикуляцию носовой согласной в праформе гур довольно сложно. Сделанные Г. Манесси реконструкции фонетических систем праязыков двух крупнейших групп гур – гуси и оти-вольта – содержат и дентальную, и палатальную носовые фонемы [Manessy 1969: 24–25; 1975: 37]. Обе указанные фонемы типологически весьма часто могут ослабляться до у, особенно в сверхкратких морфемах. Интересно, что аналогичные варианты демонстрируют и данные внешнего сравнения (языки семьи бенуэ-конго): в языках кроссривер реконструируется личное местоимение 2 л. мн. ч. **i-nl(n)*, в джукуноидных языках – **ni*, но в йорубоидных, платоидных и некоторых бантоидных языках видим рсфлексы **ɲin* [Babaev 2010]. В других семьях нигеро-конголезских языков доминирует зубная артикуляция: в атлантических языках предположительно реконструируется **nV* с полным спектром гласных по различным языкам [Pozdniakov, Segerer 2004], в кордофанских (группа хейбан) – **-no* [Schadeberg 1981: 156]. И все же, хотя назальная природа согласного элемента в праформе гур не подвергается сомнению, вопрос о его точной артикуляции в праязыке семьи остается открытым.

5. ВЫВОДЫ И ДИСКУССИЯ

По итогам проведенного анализа можно предложить реконструкцию парадигмы личных показателей для праязыка гур, представленную в Таблице 6.

Таблица 6

	субъектн. / посессив.	объектн.	фокал. / эмфат.
1 л. ед. ч.	* <i>Ṃ</i> -, * <i>mí</i> /* <i>mà</i>	*- <i>mí</i> /*- <i>má</i>	* <i>mí</i> - <i>n(V)</i> /* <i>má</i> - <i>n(V)</i>
2 л. ед. ч.	* <i>fí</i> /* <i>fù</i> /* <i>fà</i>	* <i>fí</i> /* <i>fù</i> /* <i>fà</i>	* <i>fí</i> - <i>nV</i> /* <i>fù</i> - <i>nV</i>
1 л. мн. ч.	* <i>tí</i> /* <i>tù</i> /* <i>tà</i>	* <i>tí</i> /* <i>tù</i> /* <i>tà</i>	
2 л. мн. ч.	* <i>ní</i> /* <i>ṇí</i> /* <i>nà</i> /* <i>ṇà</i>	* <i>ní</i> /* <i>ṇí</i> /* <i>ná</i> /* <i>ṇá</i>	

Сравним данные результаты с ранее опубликованными реконструкциями субъектных личных показателей ряда групп и подгрупп гур (Таблица 7).

Таблица 7

	гуси [Manessy 1969: 21, 25]	оти-вольта [Manessy 1975: 175]	вост. оти-вольта [Sambiéni 2005: 265]	зап. оти-вольта [Naden 1986: 284]
1 л. ед. ч.	* <i>ME/A</i>	* <i>mí/a/v</i>	* <i>n̄</i>	* <i>N</i>
2 л. ед. ч.	* <i>É</i> , * <i>Ṃ</i>	* <i>í/a/v</i> , * <i>fí/a/v</i> , * <i>bí/v</i>	* <i>ā</i>	* <i>í</i> , * <i>Fv</i>
1 л. мн. ч.	* <i>DE/A/O</i>	* <i>tí/a/v</i>	* <i>tī</i>	* <i>Tí</i>
2 л. мн. ч.	* <i>É/Á</i> , * <i>ME/A</i>	* <i>yí/a</i> , * <i>ní/a</i> , * <i>ṇí/a/v</i>	* <i>dī</i>	* <i>(N)YA</i>

Как видим, наиболее близкой к результатам нашего анализа является система праязыка группы оти-вольта, реконструированная Г. Манесси, где сохранились как все четыре консонантные базы личных показателей, так и праязыковая система чередования гласных. В языках гуси, как и на уровне различных подгрупп оти-вольта, праязыковая картина значительно деформирована процессами редукции и унификации местоименных лексем, а также, возможно, появлением инноваций.

Праязыковая система личных показателей в гур характеризовалась следующими характеристиками.

1. Местоимения каждого лично-числового значения были гомогенными, т.е. являлись производными одной лексической единицы. Это существенно отличает местоименную систему гур от систем соседних языков нигер-конго, таких как бенуэ-конго и манде, где, по-видимому, уже на праязыковом уровне различные значения (например, в бенуэ-конго – субъектное и объектные) выражались различными местоименными лексемами.

2. На праязыковом уровне весьма явно восстанавливается чередование гласных, имевшее от двух до трех степеней (**I*/**a*/**v*). Его следы прослеживаются во всех четырех лично-числовых значениях, во всех основных группах и нередко, как уже указывалось выше, в рамках парадигм отдельных языков. В современных языках данное чередование всегда имеет грамматическое значение: оно либо противопоставляет субъектный показатель объектному (например, кусунту *mà* ‘я’, *-má* ‘меня’), либо отражают оттенки видо-временных, полярных и модальных значений сказуемого (например, куланго *mí* ‘я’ (перф.), *má* ‘я’ (хаб.)). Формы на **-I*, судя по имеющемуся в нашем распоряжении сравнительному материалу, были наименее маркированными: они в целом более

частотны, чаще встречаются в качестве субъектных показателей и чаще выражают значение перфектива, являющегося основной формой глагола в языках Западной Африки. Однако все же определение принципов праязыковой системы вокалических чередований пока не представляется бесспорным.

3. По-видимому, уже в праязыке наметилось разделение личных показателей на три серии по синтаксической функции: субъектно-притяжательную, объектную (точнее, прямообъектную) и независимую, выражавшую значения фокуса, топика и эмпазы. Данное разделение передавалось несколькими способами, прежде всего позицией в клаузе: субъектные показатели располагались перед сказуемым (в качестве проклитики, но еще не префикса), объектные клитики следовали за ним. Эта схема соответствовала, таким образом, порядку слов типа SVO, наиболее распространенному и сегодня в языках гур. Фокализованные местоимения могли (как и в современных языках) располагаться в левой или правой крайней позиции. Фонетически три серии личных показателей также различались уже в праязыке: возможно, указанным выше чередованием гласных, но с большей вероятностью тональным регистром: субъектные показатели, по всей видимости, несли низкий тон, в то время как объектные и фокализованные формы обладали высоким тоном. Кроме того, проклитическая позиция субъектных показателей уже на ранних этапах способствовала их редукции – особенно в форме 1 л. ед. ч., которая могла уже в праязыке существовать в качестве префикса.

4. Эмфатический оттенок значения независимых местоимений способствовал присоединению к нему различных усилительных частиц. На уровне праязыков отдельных групп и подгрупп гур восстанавливаются следующие из них: **-ŋ*, **-mV*, **-na/*-ne*, **-nl/*-nlma*, **-ŋba/*-ŋbi*, **-le*, однако единой праязыковой праформы реконструировать не удастся. Г. Манесси [Manessy 1975: 178–180] восстанавливает для праязыка оти-вольта эмфатические частицы **-mV* и **-nV*. В некоторых подгруппах независимые местоимения приобретают усилительное значение с помощью носового аффикса и редупликации (например, ваама *tí* – фокал. *tintí*). Следует полагать, что в праязыке гур усилительные морфемы служили энклитиками к личным местоимениям, подобно частице *же* в русском языке или *-δε* в древнегреческом.

Все вышесказанное, однако, в большей степени относится к центральным языкам гур, чем к периферийным. При анализе личных показателей обнаруживаются фундаментальные различия между системой, легко реконструируемой для центральной ветви, и несхожими ни с ней, ни подчас между собой системами периферийных языков семьи. Таблица 8 демонстрирует расхождения между реконструированными нами праформами гур и субъектными показателями языков периферийных групп. Темным выделены формы, рассматриваемые нами как рефлекс праязыковых.

Таблица 8

	1 л. ед. ч.	2 л. ед. ч.	1 л. мн. ч.	2 л. мн. ч.
гур	<i>*mV</i>	<i>*fV</i>	<i>*tV</i>	<i>*nV/*ɲV</i>
теен	<i>mi</i>	<i>v</i>	<i>bi</i>	<i>i</i>
куланго	<i>mi, me</i>	<i>v/wv</i>	<i>bi</i>	<i>ɲi</i>
баатонум	<i>nā</i>	<i>ā</i>	<i>sā, su</i>	<i>ī</i>
вьемо	<i>mi, mə</i>	<i>a</i>	<i>sa, sə</i>	<i>ā</i>
тьефо	<i>no, nāà</i>	<i>mo</i>	<i>ʔeyuò</i>	<i>buò</i>
уара	<i>ni</i>	<i>ma, mi</i>	<i>si, ti</i>	<i>mi</i>
тусиа	<i>me</i>	<i>ó, a</i>	<i>á, ne</i>	<i>ye</i>
сенуфо	<i>*mi</i>	<i>*ma/*mi</i>	<i>*wv</i>	<i>*ye</i>

Как можно видеть, ни один из периферийных языков в таблице не имеет более двух (из четырех) соответствий с реконструированной праязыковой системой. Наибольшее количество соответствий мы видим в формах 1 л. ед. ч., однако выше уже подчеркивалось, что **mi/*te* – чрезвычайно распространенная форма местоимения 1 л. ед. ч. во всех основных ветвях нигеро-конголезских языков, так что это соответствие восходит к более высокому хронологическому уровню, чем уровень семьи гур. В остальном же соответствий довольно мало. Не обнаруживается их и при анализе других элементов системы: например, периферийные языки не имеют тональных противопоставлений между сериями, реконструированных выше для праязыка гур, а также характерных для центральных языков усилительных частиц **-nV/*-mV*. Значительные различия существуют и в показателях личного именного класса: если для центральных языков гур характерны формы классного аффикса ед. ч. *u/o*, мн. ч. *ba*, то, к примеру, в языках сенуфо реконструируются формы **wi/*wu* и **pe/*pi* соответственно. Сенуфо **p* – гур **b* является одной из важнейших фонетических особенностей языков сенуфо (ср. дег *bíè* – чебаара *pyàa* ‘ребенок’; дег *bà* – тагвана *pā* ‘приходить’; дег *béé* – тагвана *pèe* ‘другой’) [Mensah, Tchagbale 1983].

Среди периферийных языков наибольшую близость местоименных систем демонстрируют: куланго и тесн; сенуфо и тусиа; баатонум и вьемо. Первые две из указанных пар представлены в географически смежных ареалах, так что их близость может быть результатом как генетического родства, так и конвергентного развития. Языки же баатонум и вьемо друг от друга удалены, и их сходство должно свидетельствовать о сравнительно близких генетических связях. Языки тьефо, тусиа и группа сенуфо кажутся наиболее удаленными от центральных языков гур, и в свете проведенного анализа их принадлежность к последним, как представляется, может быть пересмотрена.

Таким образом, анализ лишь одной из парадигматических систем морфологии языков семьи гур привел к ряду интересных предположений о внутренней классификации рассматриваемых идиомов. Перспективной задачей в этом русле станет сопоставление полученных выводов с результатами сравнительного анализа других подобных систем – прежде всего показателей именных классов и, вероятно, демонстративных маркеров. Совпадение результатов такого анализа с приведенными выше резко повысит надежность выводов как о реконструкции, так и о генетическом составе семьи гур.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

буд. – будущее время	пот. – потенциалис
возвр. – возвратное	притяжат. – притяжательное
ед. ч. (SG) – единственное число	прош. (PST) – прошедшее время
имперф. – имперфектив	сосл. – сослагательное наклонение
косв. – косвенный объект	уменьш. – уменьшительное
л. – лицо	фокал. (FOC) – фокализованное
мн. ч. – множественное число	хаб. – хабиуталис
отр. – отрицательное	эмфат. – эмфатическое
перф. – перфектив	

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бабаев 2010 – К.В. Бабаев. О реконструкции личных местоимений в праязыке ква // ВЯ. 2010. № 4.
 Бабаев, в печати – К.В. Бабаев. Реконструкция личных местоимений праязыка манде: Предварительные замечания // Исследования по языкам Африки 4. В печати.
 Плунгян 2003 – В.А. Плунгян. Африканские глагольные системы: Заметки к типологии // В.А. Виноградов, И.Н. Топорова (ред.). Основы африканского языкознания: Глагол. М., 2003.

- Щеглов 1970 – Ю.К. Щеглов. Очерк грамматики языка хауса. М., 1970.
- Adouna 2009 – G. Adouna. Description phonologique et grammaticale du konkomba, langue gur du Togo et du Ghana – parler de Nawaré. Thèse de Doctorat en Cotutelle Internationale. Rennes, 2009.
- Albro 1998 – D. Albro. Nawdem-English dictionary with examples. Manuscript. 1998.
- Babacv 2008 – K. Babaev. Reconstructing Niger-Congo personal pronouns I: Proto-Bantoid // Journal of West African languages. 2008. V. XXXV. № 1–2.
- Babaev 2010 – K. Babaev. Reconstructing Niger-Congo personal marking II: Proto-Benue-Congo // Вопросы языкового родства. 2010. № 4.
- Beacham 1968 – C.G. Beacham. The phonology and morphology of Yom. Ph.D. thesis. Hartford, 1968.
- Bendor-Samuel 1971 – J. Bendor-Samuel. Niger-Congo, Gur // T. Sebeok (ed.). Linguistics in Sub-Saharan Africa. The Hague; Paris, 1971.
- Beyer 2006 – K. Beyer. La langue pana (Burkina Faso et Mali). Description linguistique, lexique, textes. Köln, 2006.
- Brindle 2009 – J.A. Brindle. On the identification of noun class and gender systems in Chakali // M. Matondo et al. (eds.). Selected proceedings of the 38th Annual conference on African linguistics. Somerville, 2009.
- Cahill 1999 – M. Cahill. Aspects of the morphology and phonology of Konni. Columbus, 1999.
- Casimir 1988 – K.K. Casimir. Lexikon der Tagbana-Sprache. Ph.D. Dissertation. Bielefeld, 1988.
- Crouch, Smiles 1966 – M. Crouch, N. Smiles. Collected field reports on the phonology of Vagala. Accra, 1966.
- Delord 1976 – J. Delord. Le Kabiye. Lomé, 1976.
- Elders 2007 – S. Elders. Complex verb morphology in Kulango (Gur): Similarities and dissimilarities with Bantu // SOAS working papers in linguistics. 2007. V. 15.
- Haas 1958 – M. Haas. Algonkin-Ritvan: The end of a controversy // IJAL. 1958. V. 24.
- Haas 1969 – M. Haas. The prehistory of languages. The Hague, 1969.
- Jose 2008 – F. Jose. Mamara-French-Bambara-English dictionary. Manuscript. 2008.
- Koelle 1854 – S. Koelle. Polyglotta africana. London, 1854.
- Lamothe 1966 – C. Lamothe. Esquisse du système grammatical lobi. Paris, 1966.
- Lexique, manuscrit – L. Dun, R. Huerlimann. Lexique cerma-français. Manuscrit.
- Listes 1983 – Listes lexicales «Gur». Projet «Atlas et études sociolinguistiques», 2ème phase. Porto-Novo, 1983.
- Manessy 1969 – G. Manessy. Les langues gurunsi. Essai d'application de la méthode comparative à un groupe de langues voltaïques. V. I. Paris, 1969.
- Manessy 1975 – G. Manessy. Les langues oti-volta. Classification généalogique d'un groupe de langues voltaïques. Paris, 1975.
- Manessy 1977 – G. Manessy. Linguistique historique et traditions ethniques: Les peuples voltaïques dans l'est de la boucle du Niger // W. Möhlig et al. (eds.). Zur Sprachgeschichte und Ethnohistorie in Afrika. Berlin, 1977.
- Marchese 1986 – L. Marchese. Tense / aspect and the development of auxiliaries in Kru languages. Arlington, 1986.
- Marmor 1979 – T. Marmor. Enquête sur le langage des enfants kabiye. Lama-Kara, 1979.
- Mensah, Tchagbale 1983 – E. Mensah, Z. Tchagbale. Atlas des langues gur de Côte d'Ivoire. Abidjan, 1983.
- Miche 2004 – G. Miche. Les pronoms personnels dans les langues gur // D. Ibrizimow, G. Segerer (eds.). Systèmes de marques personnelles en Afrique. Louvain; Paris, 2004.
- Mills 2003 – R. Mills. Dictionnaire sénoufo-français. Sénanri parler tyébara (Côte d'Ivoire). T. I. Köln, 2003.
- Moran 2006 – S.P. Moran. A grammatical sketch of Isaalo (Western Sisaala). Ph.D. thesis. Ypsilanti, 2006.
- Müller 1905 – P. Müller. Beitrag zur Kenntnis der Tem-Sprache (Nord-Togo) // Mitteilungen des Seminars für Orientalische Sprachen. J. VIII. Abt. 3: Afrikanische Studien. Berlin, 1905.
- Naden 1986 – A. Naden. Western Oti-Volta pronoun systems // U. Wieseemann (ed.). Pronominal systems. Tübingen, 1986.
- Naden 1989 – T. Naden. Gur // J. Bendor-Samuel (ed.). The Niger-Congo languages. New York; London, 1989.
- Niggli, Niggli 2007 – U. Niggli, I. Niggli. Lexique ninkare-français. Ouagadougou, 2007.
- Niggli, Niggli 2008 – U. Niggli, I. Niggli. Grammaire élémentaire du kasim. Ouagadougou, 2008.

- Nurse 2007 – *D. Nurse*. Tense and aspect in Bantu. Oxford, 2007.
- Pozdniakov, Segerer 2004 – *K. Pozdniakov, G. Segerer*. Reconstruction des pronoms atlantiques et typologie des systèmes pronominaux // *D. Ibrizimow, G. Segerer* (eds.). Systèmes de marques personnelles en Afrique. Louvain; Paris, 2004.
- Prokhorov 2010 – *K. Prokhorov*. Towards a reconstruction of the Proto-Dogon pronominal system // Доклад на междунар. конф. «Personal pronouns in Niger-Congo languages». СПб., 13–15 сентября 2010 г.
- Prost 1964 – *A. Prost*. Contribution à l'étude des langues voltaïques // IFAN. Dakar, 1964.
- Prost 1972a – *A. Prost*. Enquête sommaire sur le ko, langue gourounsi de Haute-Volta // Bulletin de l'IFAN. T. 18. Dakar, 1972.
- Prost 1972b – *A. Prost*. Le dogose ou langue des godobe ou doghossié // Bulletin de l'IFAN. T. 19. Dakar, 1972.
- Prost 1974 – *A. Prost*. Les langues de l'Atakora, VII. Le Notre, langue des Notèba dits Bulba // Bulletin de l'IFAN. T. 36. Dakar, 1974.
- Prost 1979 – *A. Prost*. Le viemo // Bulletin de l'IFAN. T. 23. Dakar, 1979.
- Rattray 1918 – *R.S. Rattray*. An elementary Mòle grammar with a vocabulary of over 1000 words. Oxford, 1918.
- Rennison, manuscript – *J. Rennison*. Koromfe – English / French / German dictionary. Manuscript.
- Rowland, Rowland 1965 – *R. Rowland, M. Rowland*. Collected field reports on the phonology of Sisala. Accra, 1965.
- Sambiéni 2005 – *C. Sambiéni*. Le Proto-Oti-Volta-Oriental. Essai d'application de la méthode historique comparative. Köln, 2005.
- Schadeberg 1981 – *T. Schadeberg*. A survey of Kordofanian. V. 2. The Talodi group. Hamburg, 1981.
- Schwarz 2005 – *A. Schwarz*. Aspekte der Morphosyntax und Tonologie im Buli mit Schwerpunkt auf dem Buli von Wiaga. Dissertation. Berlin, 2005.
- Segerer 2008 – *G. Segerer*. Les langues Niger-Congo // А.Ю. Желтов (ред.). Языки нигер-конго: Структурно-динамическая типология. СПб., 2008.
- Spratt, Spratt 1972 – *D. Spratt, N. Spratt*. Kusal syntax // Collected language notes. 1972. № 13.
- Surugue 1979 – *B. Surugue*. Études gulmance (Haute-Volta). Phonologie, classes nominales, lexiques. Paris, 1979.
- Swadesh et al. 1966 – *M. Swadesh et al.* A preliminary glottochronology of Gur languages // Journal of West African languages. 1966. V. 3. № 2.
- Welmers 1950 – *W. Welmers*. Notes on two languages in the Senufo group I. Senadi // Language. 1950. V. 26. № 1.
- Welmers 1952 – *W. Welmers*. Notes on the structure of Bariba // Language. 1952. V. 28. № 1.
- Werle, Gbalehi 1976 – *J.-M. Werle, D.J. Gbalehi*. Phonologie et morphonologie du bété de la région de Guibéroua. Abidjan, 1976.
- Wichser 1994 – *M. Wichser*. Description grammaticale du kar, langue senufo du Burkina Faso. Thèse en vue de l'obtention du diplôme de l'école pratique. Paris, 1994.

ПРИЛОЖЕНИЕ. ФОРМЫ ЛИЧНЫХ ПОКАЗАТЕЛЕЙ В ЯЗЫКАХ ГУР

Языки в таблицах распределены по группам, которые обозначены аббревиатурами (БК – були-кома, ВОВ – вост. оти-вольта, ЗОВ – зап. оти-вольта, ЙН – йом-наудем, ВГ – вост. груси, СГ – сев. груси, ЗГ – зап. груси, КТ – кирма-тьюрама, ГД – ган-догосе, КД – кхе-огосо, ЛД – лоби-джан, УН – уара-натъоро, С – ссенуфо). Формы, указанные через запятую, являются диалектными вариантами или алломорфами, распределение которых в источниках не указано. Источниками большинства данных являются работы [Prost 1964; Manessy 1969; 1975; Mensah, Tchagbale 1983; Listes 1983; Mische 2004]. Ссылки на другие источники даны в виде постраничных сносок к таблице форм 1 л. ед. ч.

1 лицо единственного числа

	субъект	объект	притяжат.	эмфат./фокал.
Центральные языки				
були (БК) ⁴	Ñ, mì-, mí	-mu, mu, mo	Ñ-, mí	mí, mí
конни (БК) ⁵	Ñ, ma	mu, mu, ma	Ñ, Í	mání, mán
биале (BOB)	N	N		ɲwe
дитаммари (BOB)	N	N	moun	mĩ(ĩ), moun
ваама (BOB)	N	N		mɛn
натени (BOB)	n, mí	n, a		mmĩ
дагаари (ЗОВ)	m̃	má		máán
бирифор (ЗОВ)	ĩ	ma		maa
фарсфаре (ЗОВ) ⁶	ma, m, man	m, ma	m, mam	mam
мооре (ЗОВ) ⁷	m̃, em, m, em	má, máam, mam	mám	mám, máam
нотре (ЗОВ) ⁸	Ñ	ma, mã, mō		mma, má, mã
дагбани (ЗОВ)	N	ma		máni
ханга (ЗОВ)	N	ma		maN, maní
камара (ЗОВ)	N	na, ma		maní
кусаал (ЗОВ) ⁹	N, nẽN	mám, na, m	m	mâne, mânẽ, mam
мампрули (ЗОВ)	Í	má, ma	N	màn, man(i)
сафалиба (ЗОВ)	Ñ	má		máàn
нчам (гурма)	m̃, m̃, máá	m̃, -m̃	m̃ -	māmā, mām̃, mām
нгангам (гурма)	ñ, n-	nnĩ		mīn
гурманчема (гурма) ¹⁰	N	nnì		mìnì
акаселем (гурма)	Í	m, mí, m̃, mba		mí, m̃, mba
конкомба (гурма) ¹¹	N	mí	m-	mɛ, mme, min
моба (гурма)	N, ma			min
наудем (ЙН) ¹²	mà, mán	má, mà	mà	mán
йом (ЙН) ¹³	mà, mā (пот.)	mā	mà	māā, māá
бваму	ĩ, mì	mi	mì	
коромфе ¹⁴	m(ɔ), маа (отр.)	m(ɛ)		məkɔ
баго (БГ)	mà, mú	mɛ		
кусунту (БГ)	mà	-mɛ		mán

⁴ [Schwarz 2005]

⁵ [Cahill 1999]

⁶ [Niggli, Niggli 2007]

⁷ [Rattray 1918]

⁸ [Prost 1974]

⁹ [Spratt, Spratt 1972]

¹⁰ [Surugue 1979]

¹¹ [Adouna 2009]

¹² [Albro 1998]

¹³ [Beacham 1968]

¹⁴ [Rennison, manuscript]

	субъект	объект	притяжат.	эмфат./фокал.
чала (ВГ)	mà	-maŋ		máŋ
дело (ВГ)	mɛ, má	-ma		
кабийе (ВГ) ¹⁵	mɛŋ	m	m, ma	má
лама (ВГ)	mə, má, m		m	
лукпа (ВГ)	ma(a)	m(a)		
тем (ВГ) ¹⁶	ma, máká, m	máí, mā	mede, māde	mā
касэм (СГ) ¹⁷	a	amo, né, Ń, -ni	a	amu, amo
льеле (СГ)	à	né		amè, mye
нуни (СГ)	à	ne, nə, na	á	amo, ame
пана (СГ) ¹⁸	à	à, ne	á	mé, mi, amese
каламсе (СГ)	à	mé		mé
чакали (ЗГ) ¹⁹	ŋ	-N	N	miŋ, mĩŋ, meŋ
дег (ЗГ)	ñ			meŋ
пхуйе (ЗГ)	Ń, ð	nà, -nà, re		nà
сисаала (ЗГ) ²⁰	ŋ	ŋ, ě, ě, -n	n	miyaŋ, nà, mĩná
тампулма (ЗГ)	n, mo	mʊn, mo, men, men		men, men
вагла (ЗГ) ²¹	N	ŋ	ñ	mĩŋ
винье (ЗГ) ²²	mi, mə	mi, m, me, mɔne, me		mè, mə
черма (КТ) ²³	mi	mi, miě (косв.)	mêl, mi	mêi, múǔ, mǔ
турка (КТ)	mə, mɛ, mo, mu	m		máá
каанса (ГД)	mi	mi		mĩna
догосе (ГД) ²⁴	ɪ, mi, me	mɛ, me	mi	mi, miɛ
кхиса (ГД)	mi	m		mĩna
кхе (КД)	N, mi	míne		
джан (ЛД)	mi	mi		mie
лоби (ЛД) ²⁵	mì, ĩ, ma (буд.)	mì, mor (косв.)		mĩrí, mĩre

¹⁵ [Delord 1976; Marmor 1979]

¹⁶ [Müller 1905]

¹⁷ [Niggli, Niggli 2008]

¹⁸ [Beyer 2006]

¹⁹ [Brindle 2009]

²⁰ [Rowland, Rowland 1965; Moran 2006]

²¹ [Crouch, Smiles 1966]

²² [Prost 1972a]

²³ [Prost 1964; Lexique, manuscrit]

²⁴ [Prost 1972b]

²⁵ [Lamothe 1966]

	субъект	объект	притяжат.	эмфат./фокал.
Периферийные языки				
тесн	mi/mi	mi/mi		mi
куланго ²⁶	mi, me, mi/mi (перф.), mii (имперф.), má (хаб.), mí (сосл.)	mi, m, men, -mi		mia(n), myaa, méà
баатонум ²⁷	nā, n	mān	nén	né
вьемо ²⁸	mi, mə	na	na	ma, maа
тьефо	no, nāà	no	no	
юж. тусиа (тусиа)	mε	ń, nế	m	mó
сев. тусиа (тусиа)	mε	m̃		mbe
уара (УН)	ni, N	n, na		
мамара (С) ²⁹	me, nε, ni, ne, na, mă (перф.), nàʔá (буд.)	na, ne, mi	na, nè, mi	payε, neyε (refl), ne < niya, mè
супьире (С)	mii	mii, na		
сенара (С)	m(i), n, mia (перф.)			
вост. караборо (С) ³⁰	N-	tā, rā		ñdōò
зап. караборо (С)	n	la	la	nugo
чебаара (С) ³¹	mi, mī	mī, mi	mī	mī
джимини (С)	mi			
тагвана (С) ³²	mi, mí	nā, mū	nā, mi	mū
палака (С)	ni			
нафаанра (С)	mi, náà, mii			

2 лицо единственного числа

	субъект	объект	притяжат.	эмфат./фокал.
Центральные языки				
були (БК)	fī-, fī, fe, fī	-fu, fo, fū	fī-, fī	fī
конни (БК)	ø, fu, fi, fi	fu, fū	fī, fī	fīnɪŋ
биале (BOB)	a	a		awe
дитаммари (BOB)	ā	a	ā	fǝ, fō, fa
ваама (BOB)	ó			fɛn
натени (BOB)	a	a		fǝ, fō

²⁶ [Elders 2007]

²⁷ [Welmers 1952]

²⁸ [Prost 1979]

²⁹ [Prost 1964; Jose 2008]

³⁰ [Wichser 1994]

³¹ [Mills 2003; Welmers 1950]

³² [Casimir 1988]

	субъект	объект	притяжат.	эмфат./фокал.
дагааре (ЗОВ)	fù			fùún
дагара (ЗОВ)	b-, fo	fu, -b		fũũ, fõ
дагаари (ЗОВ)	bũ	hʋ		hʋʋn
бирифор (ЗОВ)	fu	fu		fuun
фарефаре (ЗОВ)	fo, fʋ		fʋ	fom, hom, fõn
мооре (ЗОВ)	f-		fo	fom
нотре (ЗОВ)	fi, fo	fo		nfo, fò, fõ
дагбани (ЗОВ)	a			ɲini, ɲine
ханга (ЗОВ)	c	i		ɲini
камара (ЗОВ)	i, e			ɲini
кусаал (ЗОВ)	fo, fũ	(ě)fo, (ě)f		fone, fowa, fun
мампрули (ЗОВ)	ì, yi	i, yi	i	ɲín(i)
сафалиба (ЗОВ)	ɪ			ìɲá
нчам (гурма)	ā, á, áá	sī, -sī	ā-	sīsī, sī
нгангам (гурма)	ā	ɲē, ɲe		sīn
гурманчема (гурма)	à	a		fín(i)
акаселем (гурма)	é, i			ésē, isē
конкомба (гурма)	i, aa	si		ise
моба (гурма)	a, fa			fun, fin
наудем (ЙН)	bé, vè	vé	bé, bè	bíná, vén
йом (ЙН)	bà, bə (пот.), ø-	-ó, -v	bà	bī, bīi
бвamu	fo, go, ko, ũ-	fõ		
коромфе	N	n(ε)	N	ɲkɔ
баго (ВГ)	Ñ	ni, -ni		ná
кусунту (ВГ)	Ñ	ni, -ni		náɲ
чала (ВГ)	ɲá, n	ɲaɲ, -aɲ		ɲáɲ
дело (ВГ)	Ñ	ni, -ni		ɲá
кабийе (ВГ)	N	ɲ	ɲ	ɲá, ɲé
лама (ВГ)	Ñ		ɲē	ɲá
лукпа (ВГ)	N	N, ɲa, ɲ		ɲa
тем (ВГ)	N, ɲá	ɲā, ɲa-	ɲede, ɲāde	ɲā
касем (СГ)	n	-m, mo, m̃		nmʋ
льеле (СГ)	Ñ, Ñ	mɔ		nmè
нуни (СГ)	N	mo, amò, mú		nmò, mme
пана (СГ)	ñ	ñ	ñ	nò
каламсе (СГ)	Ñ, Ñ	Ñ		
чакали (ЗГ)	ì	ɪ	ɪ	hiɲ, hìɪɲ
дег (ЗГ)	hì, ʔì			hìɲ
пхуйе (ЗГ)	ì	-yà, ɪ, e, naɲe		yáá
сисаала (ЗГ)	e, i, ii	-e	e	ene, òná
тампулма (ЗГ)	ɪ			hín

	субъект	объект	притяжат.	эмфат./фокал.
вагла (ЗГ)	ì, i	ɪ	i	huŋ
винье (ЗГ)	î, ê	i, ε, mε		ĩne, epe, en
черма (КТ)	ŋ, n, ni	ni, niẽ (косв.)	náŋ	náŋ, núǔ, nō
турка (КТ)	n	n		yíí, yí
каанса (ГД)	mu	mu		muna
догосе (ГД)	mu, mo	mu, mo	mo	mo
кхиса (ГД)	mu	mu		muna
кхе (КД)	hì	mì, mìné	híné	
джан (ЛД)	fi	fi		fie
лоби (ЛД)	fíí, fî, fa (буд.)	fî, for (косв.)		firí, fèr, fire
Периферийные языки				
теен	u	u, gu, ku		gãa
куланго	u, wu, wô, wù	u, ku, gu, wu, -wu, -gu		waa, woâ
баатонум	ã	nũn	wúnén	wúnē
вьемо	a	wu, wo, u	wo	wa, waa
тьефо	mo, mià	mo	mo	
юж. тусиа	ó	ñ	o	awo
сев. тусиа	a	m̃		agε, age
уара (УН)	ma, mi, m	ma, m̃		
мамара (С)	ma, mu	mu, ma	mu, ma	maуε (возвр.), m'i, mudi (фокал.)
супьире (С)	mu, mā	mu, ma		
сснара (С)	mu, mià (перф.)			
вост. караборо (С)	mā	mā		ñbōò
зап. караборо (С)	mε	mε	mε	mugo
чебаара (С)	mí, mi (перф.), maa (имперф.)	mi, mɔ	mi	mɔ̃
джимини (С)	mā, mō	mā, mō		
тагвана (С)	mā, mō	mā, mō, mɔ̃	mā, mɔ̃	mɔ̃
палака (С)	mo			
нафаанра (С)	mu			

3 лицо единственного числа (аффиксы именного класса лиц ед. ч.)

	субъект	объект	притяжат.	эмфат./фокал.
Центральные языки				
були (БК)	wà-, ò-, wá	-wa	wà-, ò-, wá	wá(lá)
конни (БК)	ù, ù		ù, ù	
биали (ВОВ)	ù			
дитаммари (ВОВ)	ò, ò		ò	
ваама (ВОВ)	ò			
натени (ВОВ)	ò			
фарефаре (ЗОВ)	a		a	ẽṇa
мооре (ЗОВ)	a		ɲe, a	a
нотре (ЗОВ)	a	ɲẽ		ɲẽɲẽ
ханга (ЗОВ)	o, wune	u	o	wune
кусаал (ЗОВ)	o	o	o	on, ona
мампрули (ЗОВ)	u	u	u	ɲwan(a)
нчам (гурма)	ù, ú, wáá	-ù	-ū	
гурманчема (гурма)	ô			wōn
конкомба (гурма)	ù			úmá
наудем (ЙН)	à	wé, wè	à	
йом (ЙН)	à, wə	à, -ù	à, ā	āɛ
коромфе	d-, də, daa (отр.), ga (уменьш.)	d(ɪ), ga (уменьш.)		dəkɔ gakɔ (уменьш.)
начам (грусси)	ù, ù			
лама (грусси)	i, ɲi		ɲī	
тем (грусси)	e-, w-	yɪ, i, e	ede	ɛɛle
кабийе (ВГ)	o, ɛ	i, ɪ	o, ɛ	
касем (СГ)	o	-o		wum, wuntu
лье́ле (СГ)	ń, m	mɔ		
нуни (СГ)	ò			
пана (СГ)	ò		ó	ónò
чакали (ЗГ)	u	u	u	wa
дег (ЗГ)	ʔu			
сисаала (ЗГ)	o	-o	o	o
вагла (ЗГ)	ù, u	u	u	wabu
винье (ЗГ)	a	o		uyc
черма (КТ)	u, o	u, o (прям.), uɔ (косв.)		
турка (КТ)	o, u, wu	yè, yə, è		wu, wa
догосе (ГД)	o	o	o	o
лоби (ЛД)	a, ana (буд.)	ǎ, or (косв.)		uɣu, uɣé, or

Периферийные языки				
тсен	a			
куланго	h ⁵	-ε		
баатонум	u, ù	nùn, ùi	wín	wí
вьем	yí			
юж. тусна	ò	ò	m	mò
мамара (С)	(w)u, wa (перф.)	u	ù, ú	
супьире (С)	wāa, wū			
сенара (С)	u, wa (перф.)			
зап. караборо (С)	(w)u	(w)u	u	ugo
вост. караборо (С)	ū	ū	ū	wōò
чебаара (С)	wī, wū, u, wāā (имперф.)	wōrò, wí, ú	wōrò	wōrò
тагвана (С)	wi, wii, wí	wi	wi, wu	wi
джимини (С)	wi			
палака (С)	u			

1 лицо множественного числа

	субъект	объект	притяжат.	эмфат./фокал.
Центральные языки				
були (БК)	ti, te, tì-, tàamá, tàā	-ti, ti, te	tì-, tàamá, tàā	tāmā, tàā
конни (БК)	ti, ti	ti	tì, tí	tínin, tinam
биали (ВОВ)	tə, ti	tə, ti		tebe
дитаммари (ВОВ)	tī	ti	tī	ti, tīntī
ваама (ВОВ)	tí	ti		tinti
натени (ВОВ)	ti, t	ti, t		tīntī, tindi
дагаари (ЗОВ)	tí, ti	tí		tūn, tiin
бирифор (ЗОВ)	si	si		simi
фарефаре (ЗОВ)	to, ti		ti	temām, tun, tōma
мооре (ЗОВ)	ton, èd, d, ed	dó, dú, tóndò	ton	tondo, tóndò, dò
нотре (ЗОВ)	ti, ù	to		tòntó
дагбани (ЗОВ)	ti, te	ti, te		tinima, tenemá, temli
ханга (ЗОВ)	ti	te		tirma
камара (ЗОВ)	ti	ti		tidima
кусаал (ЗОВ)	te, ti, ti	ěté, te		tenám, tunam
мампрули (ЗОВ)	ti, ti	tí, ti	ti	tón, tɪdɪm(a)
сафалиба (ЗОВ)	ti			tùú
нчам (гурма)	tī, tí	tī, -tī	tī-	tīm̄bi

	субъект	объект	притяжат.	эмфат./фокал.
нгангам (гурма)	tī, ti-	tē, te-		tūnbì
гурманчема (гурма)	tì	tì		tímbà
акаселем (гурма)	té	tem, te		tèm
конкомба (гурма)	ti, ti	timi		tumbè, timi
моба (гурма)	ti, t			tim
наудем (ЙН)	té, tè	té	té, tē	tén
йом (ЙН)	tə, tè	té, tē	tə	tīnī, tīnī
бвamu	wà	wiā		
коромфе	u, waa (отр.)	hō	u	uko
баго (ВГ)	dì	ru, dū		dá
кусунту (ВГ)	dì	-ru		dán
чала (ВГ)	dì	dáà, -dáà		dáà
дело (ВГ)	dè	-dáà		dá
кабийе (ВГ)	dí, dū	dū		dá
лама (ВГ)	də, tā		tā	dá
лукпа (ВГ)	tə	to, ta		ta
тем (ВГ)	d-, dā	da	dede	da, dáká
касeм (СГ)	dí, dó, ná, ró	díbam		dıbam, dóbàn
льеle (СГ)	né	neba		némè
нуни (СГ)	ne, nó, na	neba, dóbà, níbó		nemo, nəmme, dómò
пана (СГ)	è	è	é	emá
каламсе (СГ)	ì			yíí
чакали (ЗГ)	yà	ya, -ye	ya	yawa, yáwáá
дег (ЗГ)	yà	yáá, yáà, yāā		
пхуйе (ЗГ)	á	-àà, ámá, amare		àà
сисаала (ЗГ)	á, à	-a	a, ma, mamaa	a, ámaa, lánà
тампулма (ЗГ)	ya	yà		ya
вагла (ЗГ)	yáá	yaa		yáá
винье (ЗГ)	ā	ā, ābe, an		áámbe, ābe
черма (КТ)	í, yíe (прош.)	yíe, í, y(e), ye (косв.)		míě
турка (КТ)	yi, i	yè		hámíí, hami
каанса (ГД)	a	?a		abe
догосе (ГД)	à	à	a	á
кхиса (ГД)	a	?a		abe
кхе	ì	íwéì		ì
джан (ЛД)	si	si		sie
лоби (ЛД)	sì, sa (буд.)	si, sor (косв.)		sirí, sèr, sire

	субъект	объект	притяжат.	эмфат./фокал.
Периферийные языки				
тсен	bi	bi		bɛɛ
куланго	bi, bi, be, bê	bi, bi		byaa, bia, beâ
баатонум	sā, su	sūn	bèsén	bèɛɛ, bèsé
вьемо	sa, sə	sa	sa	sava
тьефо	ʔeyuò, ʔeyuà	ʔeyuò	ʔeyuò	
юж. тусиа	á	á	a	api
сев. тусиа	ne	nem		perɛ
уара (УН)	si, ti	si, ti		
мамара (С)	wèe, wogo, wère, wù, wo, we	we, wo	we	wùye (возвр.)
супьире (С)	wùu, wū	wùu, wu		
сенара (С)	wù, uga (перф.)			
вост. караборо (С)	wó	wó		wíi
зап. караборо (С)	wo	wo	wo	wougo
чебаара (С)	wò, wō (перф.), wāā (имперф.)	wò, wòlè	wòlō	wòlō, wòle, wòlò
джимини (С)	su, wo, we	wo		
тагвана (С)	wo, wòó	wo	wo	wo
палака (С)		wo		álē
нафаанра (С)	o	o		

2 лицо множественного числа

	субъект	объект	притяжат.	эмфат./фокал.
Центральные языки				
були (БК)	nì-, ni, ne	-ní, ni, ne	nì-, nàmá, nàā	nàmā, nàā
конни (БК)	nì, ni	ni	nì	nínín
биали (ВОВ)	i, yi	i, yi		
дитаммари (ВОВ)	ḑī, di		ḑī	ḑīndī
ваама (ВОВ)	i, yi			ìṛi, yìṛi
натени (ВОВ)	nɛ, na	nɛ, na		néná, nena
дагааре (ЗОВ)	yè	yɛ		yèén
дагаари (ЗОВ)	ɲo			
дагара (ЗОВ)	ɲi			
бирифор (ЗОВ)	ɲi	ɲi		ɲimi
фарефаре (ЗОВ)	ya			yamat, yāma
мооре (ЗОВ)	ɲam, yi, ri, ì, i	yámbà, yā, ila	ɲam	ɲamma, ɲámbà
нотре (ЗОВ)	i, ì	hi, ɿ, i		hingi, ìṛí

	субъект	объект	притяжат.	эмфат./фокал.
дагбани (ЗОВ)	yí, yé	ya		yinimá
ханга (ЗОВ)	ya, e	ya, i		yarma, ñini
камара (ЗОВ)	ya, yé			yadima
кусаал (ЗОВ)	e, i, yá	(é)ya	ya, nam	yinám, yawá
мампрули (ЗОВ)	yí, yà	yí, yá	ya	yán, yedim(a)
сафалиба (ЗОВ)	ya			bámá
нчам (гурма)	nī, ní	nī, -nī	nī-	nīm̄bi
нгангам (гурма)	nī	nē-		nūnbi, nim
гурманчема (гурма)	i	ì		yimba
акаселем (гурма)	né, be, bi, ni	nem, ne	ne, ni	bé
конкомба (гурма)	ni, ni	nimi		numbè, nimi
моба (гурма)	yí			yim
наудем (ЙН)	nè	né	ne	néh
йом (ЙН)	ì	ī	ì	ī, īi
бваму	mì			miá
коромфе	na	na	na	nakɔ
баго (ВГ)	ì	ɲe, -ɲe		ámé
кусунту (ВГ)	ì	ámé		ámé
чала (ВГ)	ì	ámíè		ámíè
дело (ВГ)	è, ì	e, -e		àmè
кабийе (ВГ)	í, é	mí		mí, mé
лама (ВГ)	i, mī		mī	mi
лукпа (ВГ)	i	me		mə
тем (ВГ)	ɪ, mi, mí	mi, míí	mide	mi, míká
касем (СГ)	á, áa	abam, ábàɲ, ábǎ		abam, ábàɲ, ábǎ
лье́ле (СГ)	á	aba		aba
нуни (СГ)	á	ába, ámò, ábɔ		ámo, áme
пана (СГ)	ò	ò, o	ɔ	òma
каламсе (СГ)	yà	yàrí		yàrí
чакали (ЗГ)	ma, màá	ma	ma	mawa, máwáá
дег (ЗГ)	hí, pí			híyà
пхуйе (ЗГ)	?yá	-?yá, yahō		?yá
сисаала (ЗГ)	é, ma	-é, ma, èwá, mamaa	é	éne, mamaa
тампулма (ЗГ)	ma	mà		
вагла (ЗГ)	í	ia		íí
винье (ЗГ)	ná, na	na, mabe		nábè, mabe
черма (КТ)	ná	něi, ná, nae (косв.)	ná	námǎ, namma
турка (КТ)	ɲi	ɲǎ		ɲīmǎá, ɲima
каанса (ГД)	ɪ	?ɪ		īmbe

	субъект	объект	притяжат.	эмфат./фокал.
догосе (ГД)	ĩ, ě	ĩ, e	e	ĩẽ, ě
кхиса (ГД)	ɪ	ʔɪ		ĩmbɛ
кхе	ĩN	ĩ(ŋ)wɛĩ		ĩN
джан (ЛД)	yĩ	yĩ		yie
лоби (ЛД)	nĩ, na (буд.)	ni, noɣ (косв.)		nĩrĩ, nèɣ, nĩɣ
Периферийные языки				
тесн	ɪ	ɪ		bɔɔ
куланго	ʔĩ, ě ěĩ	ʔĩ, yã, yě, yĩ		ʔyãã, neã
баатонум	i, ĩ	bèɛ, bèé	bèén	bèɛ, bèé
вьемо	ã	ãvi, ãve	ãve	ãva
тьефо	buò, buà	buò	buò	
юж. тусна	ye	ye	yɛ	yepi
сев. тусна	ye, yir	yem		
уара (УН)	mi	mi		
мамара (С)	ye, mu	ye	yɛ	muɣɛ (возвр.)
супьире (С)	yii	yii, yi		
сенара (С)	yĩ, yera (перф.)			
вост. караборо (С)	yé	yé		yéè
зап. караборо (С)	yɛ	yɛ	yɛ	yeyege
чебаара (С)	yè, yē (перф.), yãã (имперф.)	yèlè, yèlè	yèlè	yèlè, yèlè
джимини (С)	ye			yele
тагвана (С)	ye, yé	yɛ	yɛ	yɛ, yele
палака (С)		yɛ		yilè
нафаанра (С)	e	e		

3 лицо множественного числа (аффиксы именного класса лиц мн. ч.)

	субъект	объект	притяжат.	эмфат./фокал.
Центральные языки				
були (БК)	bà-, bá	-ba	bà-, bá	bá(lá)
конни (БК)	bà		bà	
биали (ВОВ)				
дитаммари (ВОВ)	bē		bē	
ваама (ВОВ)	bà			
фарефаре (ЗОВ)	ba		ba	bāma
мооре (ЗОВ)	bam, b-		bam	bamma
нотре (ЗОВ)	ba	ba		bamba
ханга (ЗОВ)	ba, a	ba, a	ba, a	barma
кусаал (ЗОВ)	ba	ba	ba	ban
мампрули (ЗОВ)	ba	ba, a	ba, a	ban, badəm(a)

нчам (гурма)	bì, bàá	-bì	bī-	bímbì
гурманчема (гурма)	bì			bānī
конкомба (гурма)	bì			
наудем (ЙН)	bε		bà, bε	
йом (ЙН)	bà	bà	bà	bepa
коромфе	ba, баа (отр.)	ba	ba	ba, bakɔ
кабийе (ВГ)	pa, po, pε, po	pe, pε	pa, po, pε, po	
лама (ВГ)	wa, mpá		mpā	
тем (ВГ)	b-, be-	we	bede, bade	bεle
касем (СГ)	ba	-ba		bam, bantu
лье́ле (СГ)	be, bə	be		
нуни (СГ)	bà			
пана (СГ)	ò		ó	ò má
чакали (ЗГ)	ba	ba	ba	bawa
дег (ЗГ)	bà			
сисаала (ЗГ)	ba	-ba	ba	ba
вагла (ЗГ)	ba	a		
винье (ЗГ)	ma	ma		mabe
черма (КТ)	bà, báa (прош.)		bà	
турка (КТ)	ba	ba		ba
догосе (ГД)	pe	me	pe	be
лоби (ЛД)	wu, u	wé, wer (косв.)		wer, were
Периферийные языки				
куланго	bò	-bε		
баатонум	bu			
юж. тусиа	pe	pe	pe	peri
мамара (С)	pu, pe, pə, pa (перф.), páʔá (буд.)	pə	pu	puɥε (возвр.)
сенара (С)	pe, pa (перф.)			
зап. караборо (С)	pí	pí	pí	perige
вост. караборо (С)	pē	pē	pē	pōò
чебаара (С)	pē/bē, pāā/bāā (имперф.)	pōrò, bé	pōrò	pōrò, pèlè, bēlè
тагвана (С)	pe, pé, pèé	pe	pe	pe
джимини (С)	pe			
палака (С)	pe			
нафаанра (С)	pe			

Сведения об авторе:

Кирилл Владимирович Бабаев
Институт востоковедения РАН
babaev@yandex.ru